

Лия ГИНЦЕЛЬ

Любовь к врачеванию...

Династия Левитов-Свердловых

В семидесятые годы прошлого века Юрий Визбор, перебирая гитарные струны, пел: «Этот город называется Полоцк...». И были там такие печально-возвышенные строки: «Полный тихого лесного покоя, словно старец, он велик и спокоен, со своих на мир глядит колоколен...» Этот город называется Полоцк.

Все жили по соседству

А чуть ли не веком раньше, в самом конце XIX столетия, родились в Полоцке две девочки, которым суждено было в будущем стать не только подружками и родоначальницами династий, но, объединившись в потомках, создать целый клан именитых екатеринбургских врачей. Это так. Правда, Абрам Кононович Свердлов, автор книги «Мои — семья, друзья, медицина», а вообще-то человек, о котором разговор еще впереди, вспоминает свою тетку, Елену Борисовну Симановскую-Вайнер. Фармацевт, пермячка, работавшая в Екатеринбургской губернии, Елена Борисовна начала

Э. А. Бунимович. 1914 год

Сестры Вигдергауз. Полоцк. 1909 год (четвертая слева Роза Наумовна)

Р.Н. Вигдергауз (2 ряд 1-я слева) медсестра госпиталя. 1916 год

Р. Н. Вигдергауз с мужем Г. Левитом. 1919 год

медицинскую практику в 1903 году, когда полоцкие девчужки, скорее всего, едва-едва грамотой овладевали, а она уже была женой известного революционера, головной боли местных полицейских. Возможно, медики встречались в семье и раньше, но докопаться до них до сих пор не удалось.

Мы же запоминаем пока два имени — Роза Вигдергауз и Эмма Бунимович. Год рождения — 1894. Время — весна. Период пробуждения и цветения природы. Впрочем, для полноты картины хорошо бы сразу добавить сюда Генриха Левита и Конона Свердлова. Все жили по соседству, встречались просто так... И вопреки тогдашним раздражающим и сильно мешающим становлению личности процентным нормам сумели эти четверо получить хорошее среднее образование. А с юностью пришло желание учиться дальше. Мальчики уехали в Киев, в коммерческое училище. А девочки, романтичные, нежные девочки, твердо решили посвятить свои жизни высокому служению людям. И поскольку самой подходящей стезей тут была медицина (да и куда могли пойти учиться в те годы девочки из хороших еврейских семей?), на медицине они и остановили свой выбор. Эмма поступила в Киевский, а Роза — в Харьковский женские медицинские институты.

Кость на лету

Потомки настаивают: Розе очень повезло с преподавателями. Шутка ли, анатомию у них читал профессор Воробьев, создатель лучшего в мире анатомического атласа, по которому спустя десятилетия учился уже внук Розы Наумовны Александр. Но годы проходят, а в памяти имеют обыкновение задерживаться, как ни странно, байки да анекдоты. Так что атлас — это, конечно, серьезно, но ведь, согласитесь, куда забавнее вспоминать, что работу мышц профессор демонстрировал на слуге морга, которого специально приглашал в аудиторию в качестве живого наглядного пособия. Был и другой, как сегодня говорят — прикол: судя по всему большой шутник, профессор любил подбросить кверху кость и требовать со студентов ее название на латыни. Вот успеи ответить, пока кость в полете.

В общем, учиться бы и учиться, но тут грянула Первая мировая. Роза Вигдергауз пошла работать в госпиталь. Санитаркой. И самое, возможно, любопытное для потомков — попечителем лечебного заведения была Императрица Мария Федоровна, вдовья мать Николая II.

И опять... дошли до нас косвенные сведения, что работа юной целительнице очень даже нравилась. В ней нуждались раненые, и она с радостью и надеждой дарила им свою заботу и усердие. Но как пропустить мимо тот факт, что приехавшая в госпиталь Мария Федоровна начала свою проверку с туалетов и складов, и лишь убедившись, что там царят чистота и порядок, продолжила путь уже по палатам.

Потом, известное дело, одна война перетекала в другую. В 1918-м Роза служила фельдшером в красногвардейском санитарном поезде, а в 1919-м закончила институт. К слову, после заключения «похабного», по ленинскому определению, Брестского мира, госпиталя, в том числе и санитарный поезд, в котором служила девушка, передавали немцам. Раненых к тому времени вывезли, персоналу разрешили уйти, а инструментарий, до последнего пинцета, по списку, Роза — свидетель, передали розовошекому упитанному фельдфебелю с немецкой стороны.

«Бежит по полю санитарка...»

Дипломированным специалистом приехала Роза Наумовна Вигдергауз на Урал. А вскоре за ней поднянулись сначала Генрих Левит, ставший мужем, а потом и подруга Эмма Бунимович с супругом Кононом Свердловым.

Друзья воссоединились в Екатеринбурге. Как это было сначала, рассказать теперь некому. Но дружба, судя по всему, сохранилась на долгие годы. Они ходили друг к другу в гости. Одно воскресенье проводили у Левитов, поедая борщ или щи. Другое — у Свердловых, где в обязательном порядке на стол выставлялся куриный супчик.

Подкрепившись, обычно пели. Особенно мужчины. А-капелла они заводили арии из опер. Исполняли, в том числе, и женский репертуар. Звучала «Травиата», «Аида», «Евгений Онегин»... Домашние концерты продолжались часами, заканчивались порой за полночь. Если не пели, то разговаривали, в основном, опять же о музыке, о литературе, о медицине... До войны арендовали ложу в оперном театре, слушали, бывало, развернувшись спиной к сцене, чтоб ничто не отвлекало внимания от музыки.

Уже после Великой Отечественной на самодельном магнитофоне в доме у Левитов проигрывали записи Лещенко и Вертинского. Часто шутили. Случалось, слегка хулиганили. Фронтовики, к при-

меру, вдруг да запевали что-то вроде: «Бежит по полю санитарка, звать Тамарка...» Бабушка Роза тут же тревожно одергивала: «Аккуратнее, здесь дети...» Где-то на пленке даже записался ее испуганный голос.

Что делать... в детях у Розы Наумовны ходило сразу несколько поколений. Когда однажды с завода позвонили и попросили к телефону Льва Генриховича, бабушка сначала ответила: «Такого нет!», потом сообразила и, расстроившись, покаялась сыну: «Левушка, оказывается, тебя звали». Ну да, она и на фронт ему, командиру разведывательного взвода артиллерийского полка, писала заботливо, чтобы не пил там сырой водицы... Такая была — добрая, чистая, чуть наивная... Уже совсем пожилая, консультировала она пациентов в свердловской детской больнице № 5. И только появлялась в отделении седая, как положено, в белом халате с фонендоскопом, торчащим из кармашка, как начинала шептаться да бегать по коридору ребятя: «Бабушка пришла, бабушка...» Вот так однажды сопровождавший ее настоящий внук — будущий главный внештатный анестезиолог-реаниматолог Министерства здравоохранения Свердловской области Александр Львович Левит — сделал свой окончательный профессиональный выбор.

Спасибо, не посадили

Дети любили и не боялись Розы Наумовны. Они ей доверяли. Доверяли и родители. Дома бесконечно звонил телефон: «Пожалуйста, посмотрите!», «Пожалуйста, вынесите свой вердикт»... У нее, вспоминает в своей книге Абрам Кононович Свердлов, был несомненный редкий дар диагноста. Конечно, она обладала огромным опытом и немалыми знаниями, но, может быть, главное из того, что ей дала природа — это интуиция, свойственная лишь немногим особенно одаренным врачевателям. Настоящей обидой оборачивалось для Розы Наумовны молчание родителей ребенка, который побывал в ее руках. Она хотела знать, как складывается его дальнейшая судьба, и считала, что имеет на это право.

В молодости Р.Н. Вигдергауз работала ординатором в детской больнице. Затем трудилась в детском отделении НИИ ОММ, совмещающая лечебную работу с преподавательской в только что созданном Свердловском медицинском институте. В 1942 году, уже призванным

в армию майором медицинской службы (в семье посмеивались над сугубо штатским 47-летним майором, забывшим как-то в своей сосредоточенности отдать честь проходившему мимо генералу и едва за то не угодившим на гауптвахту), защитила диссертацию на тему «Токсическая диспепсия у детей». В 1943-м была избрана заведующей кафедрой пропедевтики детских болезней педиатрического факультета. Избиралась депутатом Ленинского районного совета.

Дальше — не секрет — началась умопомрачительная борьба с космополитизмом, потом сфабриковали «Дело врачей»... Роза Наумовна Вигдергауз лишилась работы. Интеллигентно назвала государственных бандитов «хулиганами» и мудро заметила: «Слава Богу, что не посадили».

Золотые ручки

Пока Роза Наумовна делала (и теряла) карьеру, у подруги ее, Эммы Бунимович, жизнь тоже не стояла на месте. В Екатеринбург вместе с Кононом Свердловым они приехали в 1919-м. В городе свирепствовал голод и вечно сопровождавший его тиф. Нового молодого врача сразу направили в сыпнотифозный барак. Но прослужила она недолго — слегла рядом со своими пациентами. И еле тогда выкарабкалась.

Дальнейшая жизнь Эммы была связана с акушерством и гинекологией. Работала сначала в повивально-гинекологическом институте, а потом в НИИ охраны материнства и младенчества. Вместе со своим руководителем Александром Юдимовичем Лурье участвовала в освоении и внедрении нового метода обезболивания родов, славилась блестящей оперативной техникой, выполняла наиболее сложные операции. Коллеги называли ее ручки «золотыми», а пациенты стремились попасть на операцию только к Эмме Абрамовне, вспоминал впоследствии старший сын Абрам Кононович Свердлов.

Много занимаясь научной работой, Эмма Абрамовна опубликовала ряд статей и стала членом научного общества. Опять же из книги ее сына мы узнаем, что членский билет, выданный 7 апреля 1937 года, подписан председателем общества профессором Л.М. Ратнером и ответственным секретарем профессором М.М. Виленским (кстати, мужем родной сестры Розы Наумовны — Доры, тоже доктора). В 1935 году Эмму Абрамовну Бунимович даже избрали депутатом

Свердловского городского совета. То есть все складывалось прекрасно... Но тут один добрый человек — год на дворе, чтоб вы поняли серьезность ситуации, стоял 1937-й, два брата Конона уже находились за решеткой — короче говоря, один человек шепнул Конону Свердлову: «Завтра ваша очередь...»

Испытывать судьбу супруги не решились. Конона срочно отправили к родственникам, в Ленинград. Дети — двое сыновей — благополучно закончили учебный год в школе № 9, и мать увезла их следом, туда же, в город на Неве.

По совету родителей

Поселились, собственно, в Пушкине. Эмме Абрамовне там предложили работу заведующей гинекологическим отделением и жилье. А о происках свердловских чекистов в Питере не знали. Там своих «врагов народа» хватало.

В 1939-м закончил школу старший сын. История — вот что интересовало его в тот момент. История и исторический факультет университета. Нет, сказал отец, иди в медицинский, как мама. Врачи нужны всегда и везде, а жизнь — штука сложная. Сильно уважавший родителей, а потому считавшийся с их мнением, Абрам Свердлов подал документы в военно-медицинскую академию.

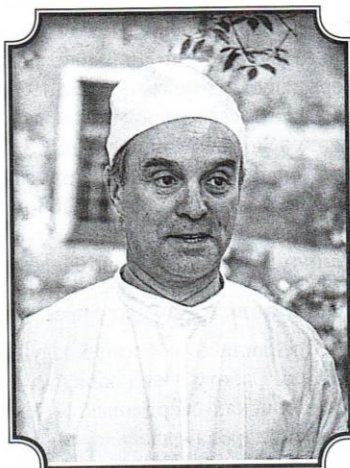
Вскоре началась война. Эмма Абрамовна потребовала эвакуировать больных. Начальство ответило: «Нет, Пушкин не будет сдан» и отправило собственных родственников подальше от места дислокации пациентов. Тех, впрочем, успели все же в последний момент погрузить в вагоны. А вот доктору Бунимович пришлось выбираться самостоятельно. Пешком.

Старший врач арtpолка

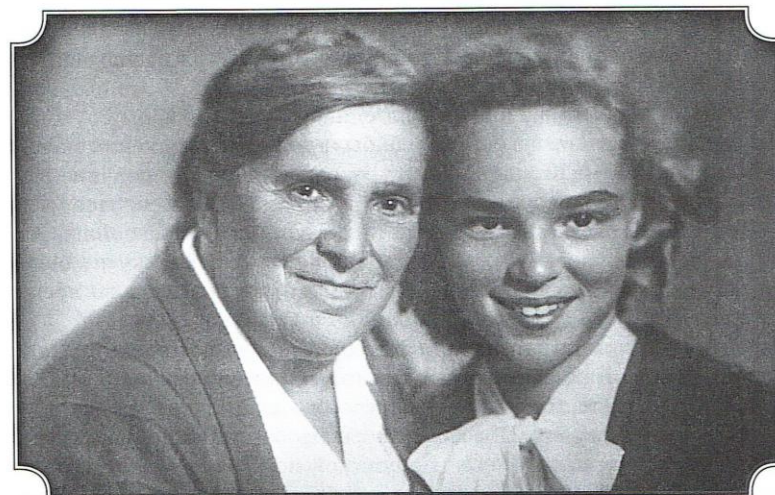
С началом войны слушатель Ленинградской военно-медицинской академии имени С.М. Кирова Абрам Свердлов сразу оказался на казарменном положении. Несмотря на все просьбы, на фронт их тогда не пустили. Патрулировали город, следили за порядком, ловили «ракетчиков», пишет он в дополнении к своей книге. Во время воздушных тревог бежали к закрепленному объекту — сбрасывать с крыши зажигательные бомбы. Иногда тревоги случались по несколько раз за ночь.

Курсант А.К. Свердлов. Самарканд.
1942 год

Начальник отделения полковник
А.К. Свердлов. 1965 год

Э.А. Бунимович с внучкой Мариной. 1959 год

А.К. Свердлов. 1944 год

А.К. Свердлов. 2002 год

А.К. и Р.Н. Свердловы с дочерью Мариной. Конец 1960-х годов

На фронт Абрам Свердлов попал в конце июня 1943 года. В период ожесточенных боев на Курской дуге. Получил назначение — старшим врачом артполка. Сам пишет, что старший — это было условно, потому что врачом он был единственным. Рядом служили фельдшер, санитар, шофер. А еще была в их распоряжении машина ГАЗ с кузовом. Командир полка, представив нового подчиненного, потребовал все приказы доктора выполнять беспрекословно.

Лечили они легкораненых. Впоследствии, уже после войны, эти люди никак не могли доказать свое ранение, поскольку не было справки из госпиталя. Но кто же думал о таких вещах во время битвы?

При форсировании Днепра Свердлов получил серьезную контузию и первый боевой орден Красной Звезды. Остался в строю, а вскоре вместе с товарищами пересек государственную границу СССР. Потом ему еще довелось побывать бригадным врачом 30-й Отдельной Краснознаменной Калужской истребительной противотанковой артиллерийской бригады резерва Главного командования, освободить Румынию, Венгрию, Чехословакию. Известие о капитуляции фашистской Германии застало бойцов юго-восточнее Праги. Немцы сопротивлялись на этом участке до 13 мая.

После войны Абрам Кононович Свердлов на какое-то время задержался в Чехословакии. Продолжил службу в госпитале. Лечили раненых и местное население... Спустя годы А.К. Свердлов посетит те места в качестве туриста. И принимать его будут на самом высоком уровне, вплоть до мэра.

Пока дети воевали

Пока дети воевали (младший сын Свердловых всю войну летал стрелком-радистом на тяжелых бомбардировщиках), Конон Свердлов вступил в народное ополчение. Было ему уже пятьдесят, со свердловских времен носил он в себе язву, так что вскоре не очень-то храброго солдата демобилизовали, а когда блокаду прорвали, жене удалось вывезти его, едва живого, на Урал.

Вернулись в Ленинград они уже после Победы. Эмма Абрамовна, перейдя в радиологическое отделение, занялась тяжелыми онкологическими больными. Что характерно; встречая ее подругу, Розу Наумовну, радовались маленькие пациенты, а здесь «большие» пациен-

ты признавались, что делается им легче, когда слышат они приближающиеся шаги Эммы Абрамовны.

«Соблазню тебя на новорожденных...»

Старший сын Свердловых, Абрам Кононович, постранствовал по свету — служил в Баку, на Дальнем Востоке, в Монголии, в Забайкальском военном округе, работал начальником инфекционного отделения в Даурии — в конце концов оказался в хорошо с детства знакомом Свердловске, в 354-м окружном военном госпитале. К тому времени у него уже подрастала дочь Марина.

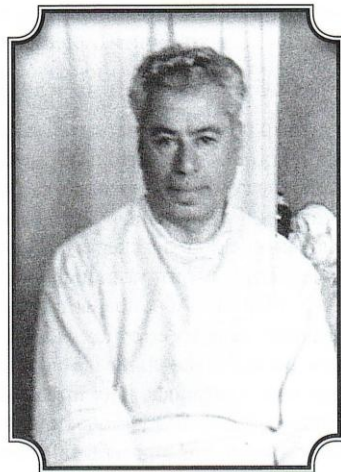
У Марины Абрамовны в этой истории своя, немаловажная, роль. Но пока речь об ее отце... Абрам Кононович приходил с работы, обедал, рассказывая по пути о последних новостях отделения, о сложных случаях, о возникающих проблемах... Закончив, садился читать медицинскую литературу. Говорил, чем человек больше знает, тем сильнее сомневается. Не то, чтобы он уговаривал дочку пойти по своим стопам, просто как-то так складывалось с детства, что иного пути не подразумевалось. Тем более ее лето обычно проходило у бабушки, в Ленинграде. А там тоже все разговоры вертелись вокруг пациентов, методов их лечения и лекарств, которые могли поставить больных на ноги.

В общем, еще в школе рассматривался лечебный факультет медицинского института. Но двоюродная сестра отца — Радмира Наумовна Свердлова (между прочим, дочка Е.Б. Симановской-Вайнер), много лет возглавлявшая пятую детскую больницу, сказала: «Нет-нет, только педиатрический, — и добавила, — потом, когда закончишь, я соблазню тебя на новорожденных».

Радмира Наумовна свои обещания выполняла точно. Она в принципе слов на ветер не бросала. И если уж задумывала что-то во вверенном учреждении, до ума обязательно доводила. Она первая, еще в середине семидесятых годов, создала в городе микropедиатрическое отделение или, как его потом называли, отделение патологии новорожденных. Она внедряла идеи рационального вскармливания. С ее легкой руки появились в поликлиниках бассейны, и плавать теперь малышей и малышей стали учить раньше, чем ходить. Что греха таить — была она чрезвычайно строга к персоналу, требовала полной самоотдачи, скрупулезного выполнения обязанностей. Но и защищать коллектив умела. В беде коллег не бросала.

Р. Н. Вигдергауз. 1949 год

С. Д. Родштейн. 1950-е годы

Р. Н. Свердлова. 1960-е годы

Профессор И. Абрамович. 1950 год

Вот и породнились

Племянница, как задумано было, после института оказалась в род-
доме сороковой больницы. Боялась ужасно. Ждала, что опытные вра-
чи устроят экзамен. Но встретившая Марину в первый день заведую-
щая отделением Галина Тихоновна Кибардина сказала только: «Пошли
в палату, посмотришь, что делать, и приступай...»

Конечно, сначала было тяжело и страшно. Самой приходилось
и люмбальные пункции проводить, и делать заменные переливания
крови, и внутривенные вливания выполнять... Но через год набралась
опыта, все как-то урегулировалось, стало легче. А потом вообще слу-
чилась ординатура.

Что и говорить, внучка Эммы Абрамовны Марина и внук Розы
Наумовны Александр друг друга знали с детства. Бывали в гостях,
поздравляли с днями рождения, здоровались при встречах. Но в ин-
ституте поначалу практически не общались. У нее были свои друзья,
у него — свои. Потом как-то так сложилась, что компания стала об-
щей. А потом общей стала жизнь. Думаю, что этому особенно радо-
вались две сильно повзрослевшие и чуточку состарившиеся за про-
шедшие годы полозкие подружки Эмма и Роза.

К слову, единственный сын Розы Наумовны, как мы уже упомина-
ли, стал инженером. Зато, женившись, ввел он в семью еще двух вра-
чей. Тесть Льва Генриховича Левита Соломон Давидович Родштейн,
окончив в 1916 году Дерптский (сейчас Тартуский) университет, был
призван в армию. Служил младшим врачом военно-дорожного отря-
да действующей армии, потом старшим ординатором, затем начальни-
ком глазного отделения. Уволен в запас в 1922 году. До самой Вели-
кой Отечественной специализировался как офтальмолог. С началом
новой войны снова надел шинель. Был ординатором полевого пере-
движного госпиталя, а с сентября 1942-го — начальником глазного
отделения эвакогоспиталя.

После демобилизации он до самой пенсии лечил глаза студентам
и преподавателям Уральского политехнического института. В 1951 го-
ду, словно в насмешку над политической обстановкой в стране, был
награжден высшей правительственной наградой СССР — Орденом
Ленина.

Интересна судьба родного брата жены Соломона Давидовича. Из-
вестный профессор-окулист Игнатий Абрамович был руководителем

глазной клиники Гданьской медицинской академии в Польше. В период оккупации его прятали польская медсестра. После войны он как-то приехал в Свердловск.

Везунчики

Когда выпускник свердловской школы № 99 Александр Левит поступил в мединститут, домашние, конечно, были довольны. Расстроилась школьная математичка, Майя Ильинична Миркина. У нее, видимо, были свои планы на способного ученика. Сейчас это уже не так важно. Конкурс в тот год случился немалый — на каждое место претендовало человек 10–11. Зато практически сразу, если не считать обязательного колхоза, студюозусы погрузились в удивительную — и вовсе непохожую на школьную — жизнь.

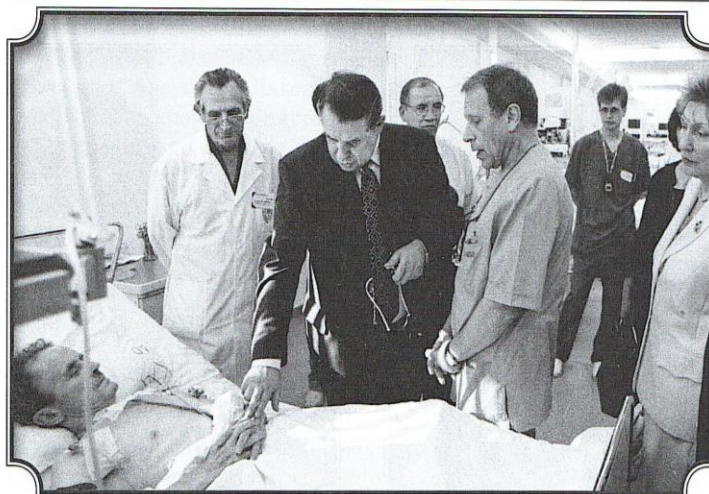
Заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением анестезиологии-реанимации ОКБ № 1 профессор Александр Левит говорит сегодня, что им страшно повезло. Лекции читали просто выдающиеся преподаватели. Звучат фамилии Д.Г. Шефера, А.Т. Лидского, Б.П. Кушелевского и других. О каждом свои воспоминания, свои рассказы... Фронтовичка Людмила Ивановна Савичевская, рассадив учеников в огромной 10-местной палате, шпыняла за отсутствие знаний и обещала, что в недалеком времени именно им, нерадивым, предстоит мести улицу, а вовсе не лечить людей. Больные посмеивались и исподволь успокаивали: это она так, пугает... Герман Михайлович Новиков из кожвендиспансера, прозванного остряками «милости просим на Карла Либкнехта, 8», очень однажды рассердился на студентку, попытавшуюся открыть дверь полой халата — брезгливым здесь не место, лучше руки лишний раз помойте. На лекции Давида Григорьевича Шефера первые ряды в аудиториях занимали действующие врачи всего города. Так было интересно. «Ох, уж эти мне терапевты... — скрипел порой мэтр. — ЭКГ им, ФКГ... а трубочку взять — послушать...»

Скатертью дорожка

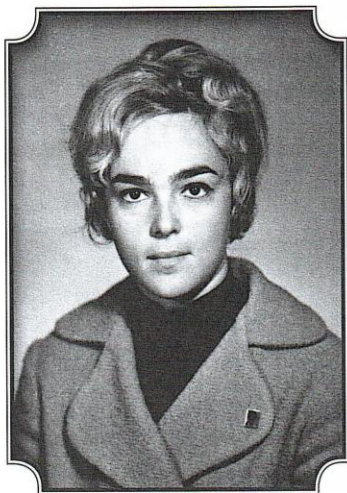
Сразу после окончания вуза молодой специалист А.Л. Левит попал на работу в тогда еще новый межобластной кардиохирургический центр под руководством профессора М.С. Савичевского. Не то, чтобы выпускник рвался в анестезиологи, нет, просто, говорит, место

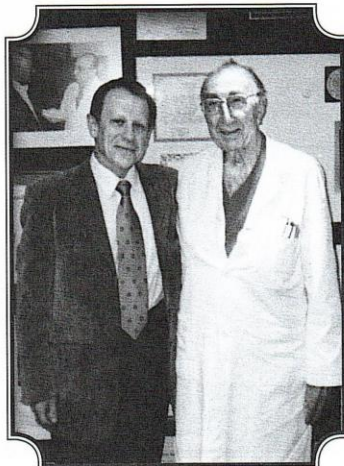
Будущий анестезиолог Дмитрий Левит с отцом. 1985 год

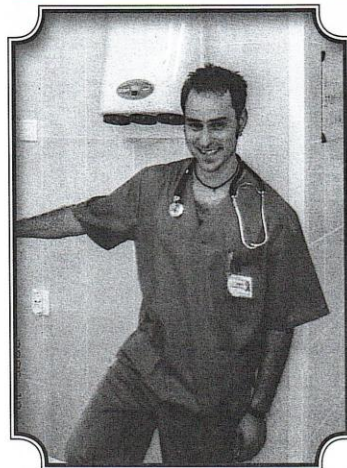
Министр здравоохранения РФ Ю.В. Шевченко на открытии кардиохирургического комплекса в ОКБ № 1 (справа — проф. Левит). 2003 год

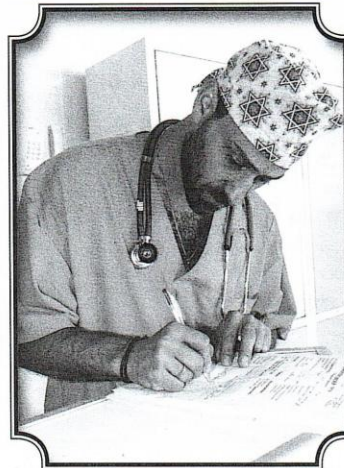
М.А. Свердлова. 1970 год

А.Л. Левит с профессором М. Дебейки. Хьюстон. 2003 год

Д.А. Левит. 2006 год

Д.А. Левит. 2015 год

было. Специализацию прошел в больнице скорой медицинской помощи у заведующей отделением Варвары Ивановны Ивановой. А потом работал уже сам. Сначала по алгоритму. Потом — с учетом накопившегося опыта. Это ведь только с опытом появляется осознание, что случиться может всякое.

И случалось. Чего только не случалось в долгой профессорской судьбе... Где только не приходилось спасать жизни соотечественников. В больницах и в санитарном транспорте, в лесу и даже в салоне рейсового самолета... Но вытянуть из собеседника мне удалось только одну историю. Однажды пришел на работу, а коллеги торопят: «В реанимацию беги, там Попов делает массаж сердца...» Так, в гражданской одежде, и кинулся. Минут сорок вручную бились, сменяя с Аркадием Аркадьевичем друг друга. Вытащили человека. Из реанимации, правда, вышли мокрыми от пота. Это на заметку тем, кто думает, что у врачей судьба завидно легкая.

К слову, лет тридцать назад я, начинающая журналистка, была на операции по замене клапанов сердца, которую проводил кардиохирург Милослав Станиславович Савичевский. И, если честно, удивилась и обрадовалась, когда увидела в кабинете у А.Л. Левита его портрет, услышала объяснение: «Мой учитель», а потом еще прочитала: Александр Львович разработал методику наркоза и искусственного кровообращения при протезировании клапанов сердца. А ведь меня-то в той, давней уже, операции потрясли две вещи — кажущаяся легкость конечной манипуляции по замене клапанов и сложный путь подготовки, связанный с переключением кровеносных сосудов на аппарат искусственного кровообращения. Чтобы хирург мог сделать свое дело, скатертью дорожку ему выстелил анестезиолог-реаниматолог.

Между прочим, А.Л. Левит первый на Урале провел наркоз при трансплантациях почки, печени, сердца...

Сегодня он возглавляет отделение, в котором 58 коек, 45 врачей (два доктора, в том числе и 10 кандидатов наук) и 170 медицинских сестер. Ежедневно наркозы проводятся на 30 операционных столах. Большинство врачей отделения можно назвать учениками А.Л. Левита. И главный из этих учеников — их с Мариной Абрамовной сын Дмитрий.

Отец и сын Левиты на конференции в Лондоне. 2016 год

Отец и шеф

Однажды Дмитрий поделился со своими друзьями в Фейсбуке: повезло, дескать, отца и шефа иметь в одном лице. Александру Львовичу, конечно, приятно было. Он ведь в самом деле один из немногих, у кого сын не просто вслед за родителями стал врачом, но даже специальность выбрал отцовскую. К тому же уже достиг в своем деле немало мастерства. Его и в стране, и за рубежом знают. На чемпионате мира по футболу в Екатеринбурге Дмитрий, между прочим, был главным анестезиологом-реаниматологом. На «Медицинский Олимп» поднялся. Похвальных грамот не счесть. И, конечно, отец испытывает немалую гордость, когда маститые доктора сыну приветы передают, судьбой интересуются.

Это все так, но когда его кровиночка, его ребенок выходит из операционный весь серый от усталости, в который раз начинает тревожить мысль: а надо ли было?

Ведь любой родитель хочет, чтоб у его отпрыска жизнь складывалась легко и комфортно. Медицина этого не обещает. Что-что, а хлеб у врачей тяжелый. И все-таки... в этой большой семье, как подсчитал Абрам Кононович Свердлов, почти тридцать врачей 14 специальностей. Есть терапевты, педиатры, акушеры-гинекологи, фармацевты, хирурги, анестезиологи-реаниматологи, окулисты, фтизиатры, инфекционисты, бактериологи, невропатологи, рентгенологи, физиологи, стоматологи... В династии — три профессора и два доцента. Многие

представители награждены орденами и медалями. Семь — «Отличников здравоохранения», двое имеют Орден Ленина, один — Октябрьской революции. С.Б. Симановская и А.Л. Левит — «Заслуженные врачи России». В 1959 году родной брат дважды уже упомянутой Е.Б. Симановской-Вайнер В.Б. Симановский создал (а впоследствии и руководил им) музей истории Пермской областной больницы. А.К. Свердлов принял огромное участие в создании Свердловского областного музея истории медицины. Так сошлись в его судьбе две любви — любовь к истории и любовь к медицине.

